

НЕНАДЕЖНЫЙ РАССКАЗЧИК КАК ЭЛЕМЕНТ ДЕТЕКТИВА В РОМАНЕ Э. ХИЛИ «НАЙТИ ЭЛИЗАБЕТ»

UNRELIABLE NARRATOR AS A DETECTIVE ELEMENT IN E. HEALEY'S NOVEL "ELIZABETH IS MISSING"

Д.О. Половцев, А.О. Марцинкевич

D.O. Polovtsev, A.O. Martsinkevich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: polovtsev@bsu.by

Ненадежный рассказчик в романе Э. Хили «Найти Элизабет» включает свою особенность в том, что сочетает сразу несколько факторов «ненадежности»: возраст рассказчика, синдром деменции и повествование от первого лица. Для создания дополнительного «детективного» элемента автор использует ненадежного рассказчика. Возрастает элемент «неожиданности», так как невозможно предугадать действия рассказчика. Ненадежный рассказчик используется в качестве детективного компонента.

The peculiarity of the unreliable narrator in E. Healey's novel "Elizabeth is Missing" that it combines several factors of "unreliability" at once: the narrator's age, dementia syndrome, and first-person narration. The author uses the unreliable narrator to create an additional "detective" element. The element of "surprise" increases, since it is impossible to predict the actions of the narrator. The unreliable narrator is used as a detective component.

Ключевые слова: Э. Хили; «Найти Элизабет»; ненадежный рассказчик; детектив; зарубежная литература.

Keywords: E. Healey; "Elizabeth is Missing"; unreliable narrator; detective story; foreign literature.

Роман «Найти Элизабет» был написан Э. Хили в 2014 г. В центре сюжета оказывается восьмидесятилетняя женщина по имени Мод. Главная героиня страдает от постепенного разрушения памяти, которое прогрессирует по мере развития сюжета. Мод не может запомнить элементарные вещи и должна оставлять записки самой себе. В какой-то момент она находит записку, на которой написано, что ее подруга Элизабет исчезла, и тогда героиня решает ее найти. Это дается ей крайне нелегко, ведь она не может вспомнить, что было пару минут назад. Параллельно мы узнаем, что в детстве Мод потеряла старшую сестру Сьюки, которая точно так же в один момент исчезла из жизни героини. Сюжет раздваивается и создает две линии, в одной из которых ребенок-

Мод ищет сестру, а во второй старушка-Мод ищет подругу. Поиски создают детективный элемент на протяжении всего повествования, несмотря на то, что в основном это трагическая драма о старении и потере памяти. Семья Мод – ее дети и внуки вынуждены смириться с последствиями этого заболевания и заботиться о героине несмотря ни на что, но в какой-то момент Мод забывает и их.

Повествование ведется от первого лица, что позволяет в полной мере прочувствовать эмоции, транслируемые автором через главную героиню. Роман состоит из восемнадцати глав, каждая из которых раздваивается на повествование ребенка из 1940-х гг. и повествование пожилого человека из 2012 г. В обоих случаях героиня живет в приморском городке на южном побережье Англии, что еще больше усиливает эффект, ведь совпадают не только воспоминания, но и места, окружающие Мод.

Автор создает две сюжетные линии персонажей, которые пересекаются в сознании главной героини. В реальности Мод окружают дочь Хелен, внучка Кэти, социальный работник Карла и подруга Элизабет, поисками которой героиня и занимается. В сюжетной линии из детства Мод рассказывает о своей матери, отце, сестре Сьюки, которая исчезла, так же как и Элизабет, их квартиранте и друге Сьюки – Дугласе и о муже Сьюки – Френке. Место событий в романе не меняется и описывается с разницей в семьдесят лет, что создает дополнительный элемент «загадки».

В произведении Э. Хили пользуется приемом «ненадежный рассказчик». Рассматривая произведение, мы, как правило, опираемся на отношение автора, отношение главного героя и формируем свое собственное отношение к происходящему. В данном случае мы почти сразу понимаем, что не можем доверять мнению героя и вынуждены составлять картину из дополнительной информации, а именно реплик второстепенных персонажей. По мере прочтения романа у читателя возникают несколько основных вопросов, на которые мы вынуждены искать ответы почти самостоятельно, пропуская через призму недоверия всю информацию, которую нам предоставляет главная героиня. В первую очередь нас интересует, что происходит с самой Мод, потом мы узнаем об Элизабет. В случае с последней вариантов может быть много: Элизабет действительно исчезла, ее сын держит Элизабет взаперти (как предполагает сама Мод), ее отправили в дом престарелых, она попала в больницу или, в конце концов, возможно, она умерла. Какой из вариантов правильный, мы не узнаем до конца романа, ведь даже если Мод говорили, куда делась Элизабет, она вполне могла забыть и таким образом «утаить» эту информацию от читателя.

С первой главы мы можем узнать о проблемах с памятью Мод только из ее внутренней речи: «Мне не хочется, чтобы Карла рассказывала подобные вещи. Они надолго оставляют у меня тягостное чувство – даже после того, как я забываю сами истории. Я вздрагиваю и выглядываю в окно, силясь вспомнить, в каком направлении находится Уэйс-мут» [1, с. 4].

Автор дает нам понять через внутреннюю речь персонажа, что Мод не может запомнить простых вещей, но в состоянии это осознать. Даже в приведенном примере мы можем заметить противоречие. Далее последует схожая ситуация: «Я смотрю на лицо Карлы, пока она мне все это рассказывает. Ее брови то поднимаются, то опускаются, а кончик носа заметно розовеет. Интересно, почему ее так занимают пожилые люди, запертые в комнатах? Все эти истории кажутся мне не слишком правдоподобными, но я тем не менее их записываю» [1, с. 25]. В этой ситуации уже заметно, что главная героиня не доверяет себе и записывает все «на всякий случай», что позже создает дополнительные трудности для ее восприятия, когда она не может понять, к чему относится та или иная запись: «Не могу понять, что делаю здесь и сжимаю в руке обрывки бумаги. Несколько клочков падают на пол. “Наркоманы, – читаю я. – Элизабет заперта в комнате. Связали в подвале”. Неужели я написала это? Мне это кажется смехотворным. У Элизабет нет подвала. Заглядываю в почтовый ящик. Я не совсем понимаю, что такое крэк. Как же я пойму, что это крэк, если его увижу?» [1, с. 25]. Нелогичные умозаключения характерны для людей, страдающих деменцией, и во многих примерах мы можем увидеть, что над логической цепью в повествовании преобладает ассоциативный ряд.

Записки повсеместно сопровождают Мод и кажутся и ей, и читателю стабильным и надежным элементом повествования, однако ситуация меняется, когда Мод понимает, что ее поиски были напрасными и добавляется ото всех записей, но затем сама же их и использует снова: «Все записки, связанные с Элизабет, я выкинула в мусорную корзину. Теперь она напоминает мне коробку с конфетти. Я чувствую себя ужасно, ведь я бросила ее. Но что я могу сделать? Нет ничего, от чего можно было бы оттолкнуться, никто не хочет мне помочь <...>. Я вытащила из мусорной корзины все мои записки и теперь не могу взять в толк, как они туда попали» [1, с. 48]. Из этого следует, что мы не можем доверять решениям героини, как и она сама, ведь она осознанно выбросила свои записки, но восстановила их с такой же уверенностью. В какой-то степени мы можем сказать, что мы доверяем запискам больше, чем самой Мод, если основываться на том, что записки, как правило, делаются ге-

роиней под диктовку. В данном случае возникает другая проблема – восприятие записей самой героиней.

К концу произведения Мод перестает узнавать собственную дочь и внуку: «Я поворачиваюсь, чтобы сказать что-то сидящей рядом женщине, но по ее щекам скатываются слезы. Женщина снова поворачивается ко мне, и я рассматриваю ее лицо. Слезы она уже вытерла. Это Хелен. Сиденье как будто качается подо мной. Это же моя дочь, Хелен! Я сижу здесь, на остановке, рядом с ней, не зная, кто она такая» [1, с. 97], хотя еще в начале мы видели, как героиня без труда определяет, кем является стоящий перед ней человек, но не может вспомнить причину их встречи.

В какой-то момент проблемы с памятью перестают ограничиваться потерей информации, а усугубляются нарушением логики, смешением разных воспоминаний в одно: «Я так рассердилась, что пришла домой и разбила все ее пластинки и закопала их в саду» [1, с. 139]. В данной ситуации мы видим, что Мод помнит про историю с Дугласом, другом ее сестры, который разбил пластинки после прочтения письма и связывает это с тем, как она сама нашла эти пластинки, но не может построить логическую цепочку и предполагает, что разбила их сама. В очередной раз мы можем отметить нелогичное построение мысли и соответственно абсолютную неточность в фактах.

Крайне важной составляющей произведения является поток сознания. Так как основным двигателем истории является тот факт, что рассказчик теряет память, процесс формирования мыслей и воспоминаний становится почти ключевым моментом. Учитывая синдром Мод, мы можем не только наблюдать за потоком ее мыслей, но и отслеживать то, как болезнь ее меняет. Главная героиня снова становится ребенком, и если по началу она сама проводит аналогию между собой и условным ребенком, опираясь на свои ощущения («Тогда я начинаю тереть лицо рукавом кардигана. Сплеываю на него и снова вытираю, как мать вытирает чумазому ребенку лицо. Сейчас я и ребенок и мать» [1, с. 9]), то в конце она абсолютно теряется в своем возрасте: «– Ты слишком стара, чтобы быть моей матерью – Неужели? – Тебе уже восемьдесят один; я смотрю на незнакомую мне девушку. Интересно, почему она мне лжет? Или она думает, что это смешно? – Эта девушка сумасшедшая, – говорю я. – Она того и гляди заявит, что мне все сто» [1, с. 148].

Повествование от первого лица дает нам возможность наблюдать за формированием той или иной мысли в памяти Мод. При этом можно наблюдать прогрессирующую спутанность сознания и повествования.

В романе постоянно появляются несколько метафорических образов, связанных с памятью и воспоминаниями. Память Мод является ос-

новным «местом действия» в романе. Именно там развивается большая часть событий, там мы знакомимся с большинством персонажей и составляем о них мнение исключительно по рассказам Мод.

Одним из таких образов являются «раскопки». Героиня в прямом смысле все время копается в земле: «И теперь земля, раскисшая вместе с подтаявшим снегом, исторгла из себя эту реликвию – прямо мне в руку» [1, с. 3]. Мод постоянно копается в саду, в горшках с землей и что-то ищет. Дочь Мод Хелен работает садовником. Мы понимаем, что если сад – метафора к памяти, то Хелен становится неким примером «здорового ума».

Еще одним важным образом становится «время». Героиня понимает, что у нее совсем мало времени, чтобы разгадать все загадки. Возможно, поэтому она так спешит, когда в действительности торопиться некуда: «Слышу, как гулко стучит сердце. Я опаздываю. Мне нужно куда-то к кому-то пойти, причем срочно. Дело неотложное» [1, с. 76]. Время становится чем-то осязаемым: «Время теперь для меня как резина» [1, с. 15].

В 15 лет с Мод произошел пугающий случай с городской сумасшедшей. Женщина ударила ее своим зонтом, и от этого у Мод остался синяк: «После этого случая у меня на плече примерно с неделю оставался синяк. Темное пятно на белой коже. Синяк был такого же цвета, что и зонтик сумасшедшей. Как будто зонтик оставил на мне частичку себя, вроде пера из сломанного птичьего крыла» [1, с. 17]. В этом случае мы можем разглядеть метафорическую передачу «метки» сумасшествия. Ведь теперь Мод и сама бродила по городу, вызывая недоумение у прохожих.

В конце романа, когда, предположительно, деменция доходит до крайней стадии, и героиня полностью теряется в собственном сознании, мы видим, что граница между прошлым и настоящим полностью стирается, как минимум для Мод: «А потом она расскажет мне, как называются разные птицы и как их можно узнать по тени. И я выкопаю разбитые пластинки в саду, и мы сможем послушать “Арию с шампанским”» [1, с. 140]. В данной цитате мы видим, как героиня смешивает воспоминания об Элизабет, которая разбиралась в птицах, и Дугласе, его пластинках и о том, как она нашла их осколки, в единое целое.

Итак, исходя из проведенного анализа текста романа Э. Хили «Найти Элизабет», мы можем выявить некоторые особенности авторского повествования. В первую очередь необходимо отметить, что повествование ведется от первого лица, что позволяет ощутить дополнительный эффект погружения в происходящее.

Для создания дополнительного «детективного» и «загадочного» элемента автор использует прием «ненадежный рассказчик». При этом читатель, с одной стороны, может составлять собственное мнение о происходящем, пользуясь наблюдениями главной героини и репликами второстепенных персонажей. Однако возрастает и элемент «неожиданности», так как невозможно предугадать действия рассказчика.

Ненадежный рассказчик используется в качестве дополнения детективного компонента. С самого начала романа мы знаем о проблемах Мод и не доверяем ее мнению относительно вещей и людей, которые ее окружают. Этот факт не мешает читателю сопереживать героине и принимать ее сторону в той или иной ситуации. Однако, не только для читателя рассказчик кажется «ненадежным». В случае Мод, никто не может полностью ей доверять, даже она сама. Из реплик второстепенных персонажей и наблюдений Мод мы можем собрать почти достоверную картину происходящего.

«Ненадежный рассказчик» в романе Э. Хили включает свою особенность в том, что сочетает сразу несколько факторов «ненадежности»: возраст рассказчика, синдром деменции и повествование от первого лица, которое всегда предполагает субъективное отношение рассказчика к окружающим персонажам, событиям и вещам. Логика поступков главного героя не просто не соответствует ожиданиям читателя, а противоречит сама себе. Данный факт создает дополнительный элемент «загадки» и делает поступки главного героя непредсказуемыми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хили, Э. Найти Элизабет / Э. Хили; пер. с англ. А.В. Башуев. – М.: Эксмо; Москва; 2014. – 148 с.

КАМПАНАНТЫ “КОЛЕРАВАЙ СЕМАНТЫКІ” САСТАЎНЫХ І СКЛАДАНЫХ ТАПОНІМАЎ ГЕРМАНІІ

COMPONENTS OF “COLOR SEMANTICS” OF COMPOUND AND COMPLEX TOPONYMS OF GERMANY

А.А. Прыгодзіч

А.А. Pryhodzich

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Мінск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: elpr7@tut.by

У артыкуле даследуюцца састаўныя і складаныя тапонімы Германіі з кампанентам “колеравай” семантыкі, вызначаецца прадуктыўнасць ма-